

**И. ОБОДОВСКАЯ,
М. ДЕМЕНТЬЕВ**

ПУШКИН В ЯРОПОЛЬЦЕ

Недалеко от Москвы, в Волоколамском районе, находится бывшая усадьба Гончаровых Ярополец. Усадьба связана с биографией нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина и жены его, Натальи Николаевны, и потому издавна привлекала внимание литературоведов. Известный пушкинист М. А. Цявловский писал, что Ярополец вошел в биографию великого поэта, а следовательно и в историю русской культуры. «Усадьба эта — одно из тех пушкинских мест, изучение которых наш долг». Однако в последние годы, когда такую широкую известность получили знаменитое теперь «Пушкинское кольцо», Болдино, Выра, не говоря уже о Михайловском, Ярополец почему-то остался в стороне незаслуженно забытым.

В окрестностях Яропольца расположены усадьбы, некогда принадлежавшие декабристам. Например, Осташево, где в начале прошлого века по летам находилась известная школа колонновожатых, основателем которой был генерал Н. Н. Муравьев (отец). Из числа воспитанников школы вышло двадцать четыре декабриста, в том числе сын Муравьева — Александр Николаевич — один из основателей тайного общества «Союз спасения»; другой сын, Николай Николаевич, хотя и не состоял в тайном обществе, но разделял взгляды декабристов. Близ Яропольца расположилось и поместье Ботово, принадлежавшее Александру Николаевичу Муравьеву; он был женат на сестре князя Шаховского, имение которого Беляя Колпь также было по соседству. Эта семья состояла в родстве с декабристами и по другой линии: жена Шаховского была сестрой известного декабриста В. М. Муханова. И, наконец, совсем рядом с гончаровской усадьбой жили Чернышевы, о которых будет сказано ниже. Таким образом, Ярополец был окружен целым рядом поместий, дворянская молодежь которых в той или иной степени была связана с декабристским движением.

История села Ярополец уходит в далекие от нас времена. В конце XV — начале XVI вв. эти земли принадлежали местному Иосифо-Волоцкому (впоследствии — Иосифо-Волоколамскому) монастырю, а несколько позднее, при Иване Грозном, были взяты в царское владение и стали постоянным местом царской охоты. Название «Ярополец» возможно связано с именем князя Ярополка (сына Владимира Мономаха), который на высоком берегу реки Ламы, там, где теперь стоит ярополецкая усадьба, построил укрепленный лагерь. По другой версии, название села происходит от «яро» — охота и «поле» — т. е. «охотничье поле».

В 1684 году село Ярополец (в числе других деревень, насчитывавших в общей сложности 1000 дворов) было пожаловано бывшему украинскому гетману Петру Дорофеевичу Дорошенко (1627—1698), а после его смерти поделено между двумя его сыновьями: Александром Петровичем, женатым на Прасковье Федоровне Пушкиной (дальней родственнице поэта), и Петром Петровичем. Последний в 1717 году продал свою часть поместья графу Г. П. Чернышеву. Дочь А. П. Дорошенко, Екатерина Алек-

Н а ш и
публикации

Яроплец. Комната, в которой, по преданию, останавливался А. С. Пушкин

сандровна, вышла замуж за богатого сановника Александра Артемьевича Загряжского (1716—1786), приходившегося родственником Г. А. Потемкину¹. Яроплецкие дворец и церковь, существующие и доныне, построены А. А. Загряжским. Впоследствии это поместье унаследовала Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская, мать Натальи Николаевны Пушкиной.

Гончаровская усадьба представляет собой гармоничный ансамбль. Имя архитектора, строившего дворец, неизвестно, но есть все основания предполагать, что это был кто-то из очень хороших мастеров баженовско-казаковской школы, возможно, Еготов. Здание хорошо сохранилось. Пушкин в одном из писем совершенно правильно назвал его дворцом. Это действительно дворец — небольшой, но необыкновенно изящный по своим пропорциям. Он состоит из трех зданий: главного корпуса и двух боковых, соединенных с ним одноэтажными переходами. Перед дворцовым фасадом — большой парадный двор, представляющий собой замкнутый полукруг. Слева и справа от дворца идет металлическая ограда с двумя воротами, которые обрамлены небольшими парными колоннами. Далее два симметрично стоящих флигеля, переходящие в одноэтажные здания; последние заканчиваются интересными башнями, ограждающими въезд во второй двор, где некогда стоял театр, а сейчас сохранились только два небольших строения неизвестного назначения.

Каким предстал парадный двор взору Пушкина, сказать трудно. Вероятно, во вре-

мена Загряжских здесь были красивые цветники, но уже при Гончаровых, не имевших возможности поддерживать былое величие, усадьба начала приходить в упадок; недаром Пушкин писал жене о «разоренном дворце». В главном здании, по-видимому, было десять комнат, по пять на каждом этаже. На первом этаже налево от гостиной — две комнаты. В одной из них, по преданию, останавливался Пушкин; она и сейчас называется «пушкинской». Но есть сведения, что Пушкин занимал не одну, а обе комнаты. Об этом говорят материалы обследования в 1935 году яроплецкой средней школы, тогда помещавшейся во дворце. В этих материалах, хранящихся в Центральном государственном архиве народного хозяйства, говорится: «В главном здании в первом этаже находятся две комнаты, где жил А. С. Пушкин. В одной из них сохранилась на стенах роспись XVIII в., а в другой — стены и потолки побелены и вряд ли уже можно реставрировать живопись отмывкой... Обстановка комнат, имеющая высокохудожественный музейный характер, инвентаризирована... Большую ценность представляет собою библиотека, состоящая из книг допушкинского и пушкинского периода, главным образом на французском, английском и немецком языках. Обращают на себя внимание громадные географические атласы на английском языке, несомненно представляющие громадную библиографическую ценность». Таким образом, в 1935 году, очевидно, обстановка этих двух комнат, а может быть, и других, еще находилась в Яропльце. Сохранившиеся фотографии интерьеров гончаровского дома говорят, что там была богатая, старинная мебель; множество портретов, к сожалению, до нас не до-

¹ М. А. Цявловский. Пушкин и Н. И. Гончарова. В кн.: Яроплец. Сб. статей. М., изд. О-ва изучения Моск. области, 1930. Далее сокращенно — Яроплец.

шедших украшали стены гостиных. Впоследствии, видимо, все это было вывезено в Москву и рассеялось по различным музеям и хранилищам.

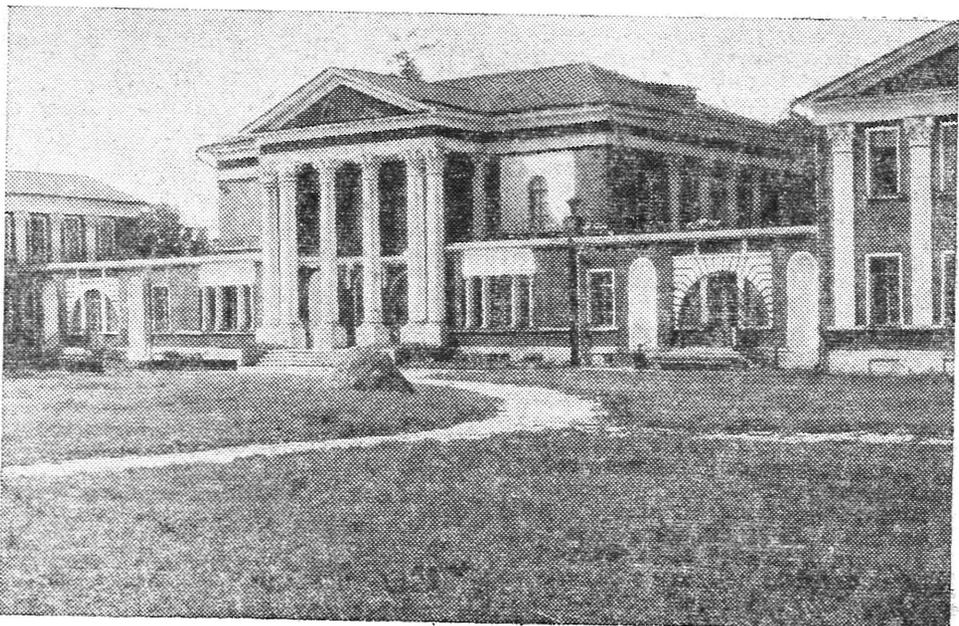
Дворец сейчас внутри частично переделан, хотя кое-что от былых времен сохранилось, например, в большой гостиной второго этажа — карниз с амурчиками и очень красивая дверь, отделанная бронзой. Из окна пушкинской комнаты, выходящего на противоположную главному фасаду сторону, некогда открывался красивый вид на реку. Дворец стоит на высоком берегу извилистой Ламы, вдоль которой был разбит великолепный парк. На маленьком острове, по преданию называвшемся «соловьиным», росли жасмин и сирень, он соединялся с парком красивым мостиком. Одна из липовых аллей недалеко от дома до сих пор носит название «пушкинской» — здесь гулял поэт во время своего пребывания в Яропольце. В парке при Загряжских были театр, красивый павильон, оранжереи и другие здания; они до нас не дошли, но, вероятно, Пушкин их еще видел. Усадьба и дворец Загряжских имели внешнюю и внутреннюю ограды. Внешняя кирпичная ограда прерывается там, где устроен въезд в усадьбу, по обе стороны которого расположены пилоны в виде круглых башен. Слева при въезде, между внешней и внутренней оградой, стоит церковь, построенная еще А. А. Загряжским, а затем расширенная и переделанная его потомками. Архитектура ее типична для того времени.

Как мы уже говорили, П. П. Дорошенко продал доставшуюся ему по наследству часть Яропольца графу Г. П. Чернышеву. Сын его, Захар Григорьевич Чернышев (пер-

вый), один из ранних фаворитов Екатерины II, широко пользовался «милостями» государыни и умножил отцовское состояние. Став после смерти отца единовластным хозяином имения, он построил там великолепный дворцовый ансамбль. Усадьба Чернышевых находится всего в полукилометре от гончаровской, границы ее теряются в разросшемся парке. Она тоже некогда была огорожена стеной, но менее затейливой. При въезде, как и у Гончаровых, стоят массивные башни. Однако расположение и архитектура дворца Чернышевых совершенно иные, чем в гончаровской усадьбе. Фасад прямо обращен к въезду, перед ним парадный двор. Архитектура дворца более скромная, без колонн и пилэстр, центральная часть соединяется с боковыми несколько закругленными переходами типа закрытых галерей. Церковь расположена вне дворцового ансамбля, за оградой, против главных ворот.

Парк Чернышевых, в противоположность гончаровскому, разбит не сбоку, а сзади здания дворца. Он был громадным и очень удачным по расположению и оформлению. Парк уступами спускался по длинному пологому скату к озеру, за которым был великолепный сосновый бор; за ним парк продолжался вплоть до реки Ламы. По парку были разбросаны декоративные сооружения и постройки. В центре парка, на пересечении главных аллей, установлен обелиск в память пребывания здесь Екатерины II. И обелиск, и липовые аллеи сохранились до сих пор. Кроны деревьев некогда шарообразно подстригались; теперь они сильно разрослись, и этот уголок парка очень своеобразен. Вдоль оград дворцов

Ярополец, Дворец Гончаровых

Чернышевых и Гончаровых проходила подъездная дорога, обсаженная деревьями. Сейчас она носит название улицы Пушкина.

Но вернемся к владельцам гончаровской усадьбы. Один из сыновей Александра Артемьевича Загряжского, Иван Александрович, был женат на Александре Степановне Алексеевой, от которой у него были сын Александр Иванович и две дочери: Софья Ивановна, в замужестве графиня де Местр, и Екатерина Ивановна, впоследствии фрейлина двора, игравшая заметную роль в семье Пушкиных. Иван Александрович служил в Петербурге в гвардии. Когда его полк стоял в Дерпте, он влюбился в красавицу баронессу Поссе (урожденную Любхард) и, по семейным преданиям, якобы даже обвенчался с ней при живой жене. От этого союза родилась дочь Наталья. По возвращении полка в Петербург Загряжский привез вторую жену с ребенком в деревню к первой жене. Возможно, что это был именно Ярополец. Молодая баронесса вскоре умерла, и Александра Степановна приняла девочку в семью, воспитав ее наравне со своими детьми. Если наше предположение верно, то оно проливает свет на необыкновенную привязанность Натальи Ивановны к Яропольцу. Не прошло ли именно там ее детство? Не похоронена ли возле ярополецкой церкви или в монастыре ее мать?..

Наталья Ивановна Загряжская (1785—1848) с ранней юности блистала необыкновенной красотой при петербургском дворе. В 1807 году она вышла замуж за Николая Афанасьевича Гончарова (1788—1861), сына владельца знаменитых полотняных заводов в Калужской губернии. Прекрасно образованный, красавец собою, Николай Афанасьевич был хорошей партией, хотя уже в это время дела Гончаровых были подорваны безрассудной расточительностью отца — Афанасия Николаевича. Вскоре молодые переехали в Москву и поселились в старом гончаровском доме на Б. Никитской. Шли годы. К 1812 году в семье было уже четверо детей: два сына и две дочери. Во время наступления Наполеона семья Гончаровых эвакуировалась под Тамбов, в поместье Карян, принадлежавшее Александру Ивановичу Загряжскому, брату Натальи Ивановны Гончаровой. Там 27 августа и родилась младшая дочь Гончаровых Наталья, которой суждено было стать женой Александра Сергеевича Пушкина. Мы напоминаем об этом потому, что в некоторых литературных работах, особенно дореволюционных, местом рождения Натальи Николаевны ошибочно называют Ярополец.

Семейная жизнь Натальи Ивановны сложилась печально. В 1814 году у ее мужа, Николая Афанасьевича, начали проявляться первые признаки душевной болезни, через несколько лет перешедшей в хроническую. Его поселили в присматривавшим за ним слугой во флигеле московского дома, и с этих пор он перестает играть какую бы то ни было роль в семье. Наталье Ивановне исполнилось всего 2½ лет, когда на ее плечи легла забота о большой семье. Видимо, до 1832 года она жила по зимам в Москве: необходимо было дать образование детям, а

потом и «вывозить в свет» подросших дочерей. Но вот дети один за другим покинули родительский кров. Уехали служить в Петербург братья Дмитрий, Иван и Сергей, вышла замуж за Пушкина младшая Наталья, отправили жить к деду в Полотняный Завод (Калужская губерния) Екатерину и Александру, и семья фактически распалась. Вероятно, в 1832 году Наталья Ивановна окончательно переселилась в Ярополец, изредка наезжая в Москву и в Полотняный Завод.

Осенью 1832 года умер Афанасий Николаевич Гончаров. Во главе гончаровского майората встал старший сын Натальи Ивановны, Дмитрий Николаевич. В скором времени он переехал на службу в Москву и взял в свои руки управление всеми заводами, фабриками и имениями. Письма Натальи Ивановны свидетельствуют о тяжелом положении дел: на предприятиях оставленный «в наследство» расточительным дедом лежал долг в полтора миллиона рублей, от которого до конца своей жизни Дмитрий Николаевич так и не смог избавиться. Он с трудом сводил концы с концами, выплачивая огромные проценты по долговым обязательствам и выдавая значительные суммы на содержание большой гончаровской семьи.

Мы остановились на всех этих обстоятельствах потому, что они связаны с приездами Пушкина в Ярополец. В те времена при женитьбе сына или замужестве дочери родители обычно выделяли им в потомственное владение какое-либо поместье, в той или иной степени материально обеспечивая будущую семью. Сергей Львович Пушкин в 1830 году выделил сыну сельцо Кистенево в нижегородском поместье Болдино. Наталья Ивановна также обещала дочери выделить ей часть Яропольца, но не сделала этого до свадьбы и всячески оттягивала решение этого вопроса и позже.

Между тем Наталья Ивановна имела собственное солидное состояние. Не раз получала она в наследство крупные суммы. В 1813 году умер ее брат Александр Иванович Загряжский. Он был холост, и его имение Карян в Тамбовской губернии, о котором мы уже упоминали, поделили его сестры: Софья Ивановна, Екатерина Ивановна и Наталья Ивановна. Всего в Каряне с некоторыми другими деревнями значилось 1273 души мужского пола. По договору о разделе Наталья Ивановна от своей части поместья отказалась, но сестры обязались выплатить ей 300 тысяч рублей в течение 13 лет — с 1814 по 1826 год. В 1821 году умер их дядя Николай Александрович Загряжский, состояние которого опять досталось трем сестрам. При этом разделе был аннулирован первый договор по Каряну и заново произведен раздел обоих наследств¹. На этот раз Наталья Ивановна получила 1396 душ в селе Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии; остальные поместья дяди и Карян отошли к сестрам Софье и Екатерине. Сколько Наталья Ивановна получила от сестер за семь лет по

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1265, оп. 3, № 2482. Публикуется впервые.

первому договору — пока установить не удалось, но судя по сохранившимся документам, ей причиталось свыше 180 тысяч рублей¹. Однако в одном из писем 1844 года Наталья Ивановна жалуется сыну, что ее родственные отношения с сестрами были нарушены из-за каких-то денежных расчетов. Когда это произошло — неизвестно. Так что, возможно, какой-то части этих денег она не получила. Далее, в 1832 году, после смерти ее свекра А. Н. Гончарова, у Натальи Ивановны оказались на руках выданные им на ее имя заемные письма на сумму 100 тысяч рублей, которые затем были проданы за 50—60 тысяч некоему Ртишеву². Таким образом, как мы видим, Наталья Ивановна имела возможность дать приличное приданое младшей дочери.

Первый приезд Пушкина в Ярополец

В 1833 году у Пушкиных уже было двое детей. Материальное положение их было трудным. Пушкин состоял на службе в министерстве иностранных дел; в это время он усиленно работал в архиве над материалами эпохи Петра I и не имел возможности уделять много времени литературной работе. Поэта тревожило будущее его семьи: в случае его смерти Наталья Николаевна и дети оставались совершенно необеспеченными. Подаренное отцом Кистеневу Пушкин перед свадьбой заложил и из полученных денег дал будущей теще 11 тысяч в долг на шитье приданого. По оговорке в дарственной Записи он не имел права продать Кистеневу, имение поступало в его полное владение только после смерти отца. (После гибели поэта Кистенев снова отошло к Сергею Львовичу.) Пушкин считал своим долгом обеспечить семью, в частности, помочь Наталье Николаевне получить от матери то, что ей было обещано, и на что она имела право.

Обнаруженное нами письмо Пушкина Дмитрию Николаевичу Гончарову имеет прямое отношение к поездке поэта в Ярополец в 1833 году³: «Семья моя увеличивается, — пишет Пушкин в этом письме, — служба вынуждает меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее посто-

янно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а моя теперешняя занятая мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние».

Однако Пушкин знал скудость тещи и, посылая письмо, вероятно, не особенно рассчитывал на успех. «Если Вы полагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, — заканчивает Пушкин, — в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только вы увидите, что он ей неприятен». Что ответил Дмитрий Николаевич — неизвестно, но письмо Пушкина он Наталье Ивановне несомненно показывал, в этом отношении контакты сына и матери были очень тесными: они постоянно пересылали друг другу письма родных или копии с них и договаривались, как поступить в том или ином случае. Возможно, Дмитрий Николаевич ответил уклончиво и Пушкин решил переговорить с Натальей Ивановной обо всем лично. Вполне вероятно, что поездка его была вызвана именно этими обстоятельствами. О своем намерении приехать он написал теще и получил благоприятный ответ. 23 июля 1833 года Наталья Ивановна писала сыну, что Пушкин «рассчитывает через несколько недель приехать в Москву и спрашивает моего разрешения заехать в Ярополец навестить меня, что я принимаю с удовольствием».

Для окончания «Истории Пугачева» Пушкину нужно было побывать в местах, связанных с пугачевским восстанием. В начале августа он получил разрешение на четырехмесячный отпуск и, оставив Наталью Николаевну с маленькой Машей и новорожденным Александром на даче под покровительством тетушки Загряжской, выехал из Петербурга. Его попутчиком был С. А. Соболевский. В Торжке друзья расстались: Соболевский поехал прямо в Москву, а Пушкин свернул на проселочную дорогу к Ярополцу. Но, проезжая недалеко от поместья своих старинных друзей Вульфов, он решил сделать небольшой крюк и поехал в Павловское. Оттуда он писал жене 21 августа: «Завтра чем свет отправлюсь в Ярополец, где пробуду несколько часов и отправлюсь в Москву, где, кажется, должен буду остаться дня три». Однако по последним сведениям¹ Пушкин не поехал прямо в Ярополец, а заезжал в село Молочино Тверской губернии к учителю местной школы А. А. Раменскому, которому привез в подарок от вдовы Карамзина первые тома «Истории государства Российского». По-видимому, Пушкин оставался в Молочине почти весь день и только 23 августа вечером приехал в Ярополец и пробыл там не несколько часов, как предполагал, а более су-

¹ ЦГАДА, № 2480. Публикуется впервые.

² Там же, № 64. Публикуется впервые.

³ И. Ободовская, М. Дементьев. Вокруг Пушкина, М., «Сов. Россия», 1975, стр. 110. Все приведенные в статье письма в подлиннике — по французски. Перевод И. М. Ободовской. Фразы, написанные по-русски, даны вразрядку.

¹ Ю. Славянский. Был ли Пушкин в селе Молочине в 1833 году? «Калининская правда», 1975, 11 сентября.

ток. В ночь на 25 августа он выехал в Москву, откуда послал жене письмо о своем пребывании в Яропольце. Приведем строки письма, непосредственно касающиеся этой поездки.

«26 авг. Москва.

Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих походов — из антреселей вашего Никитского дома, куда прибыл я вчера благополучно из Ярополища. В Ярополищ приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше: Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Много говорили о тебе, о Машке и о Катерине Ивановне. Мать, кажется, тебя к ней ревнует; но хотя она по своей привычке и жаловалась на прошедшее, однако с меньшей уже горечью. Ей очень хотелось бы, чтоб ты будущее лето провела у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Семен Федорович, с которым мы большие приятели, водил меня на его гробницу и показывал мне прочие достопамятности Ярополища. Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с варением и наливками. Таким образом набег мой на Ярополець был вовсе не напрасен. Теперь, жена, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он как владетельный принц влюбился в графиню Надежду Чернышеву по портрету,

услыша, что она девка плотная, чернорубая и румяная. Два раза ездил он в Ярополець в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет он из Заводов, что он без памяти от la charmante et divine comtesse¹, что он ночи не спит... и непременно требует от Натальи Ивановны, чтоб она просватала за него la charmante et divine comtesse; Наталья Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь? А надобно тебе знать, что он дело затеял еще зимою и очень подозревал la divine et charmante comtesse в склонности к Муравьеву (святому). Для сего он со всевозможною дипломатическою тонкостью пришел однажды спросить его, как Скотинин у своего племянника: Митрофан, хочешь ли ты жениться? Видишь какой плут! и нам ничего не сказал. Муравьев отвечал ему, что скорей он будет монахом, а брат и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main...², уверяя ее письменно, qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire³. Я помирал с смеху, читая его письмо, и жалею, что не выпросил его для тебя. Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень».

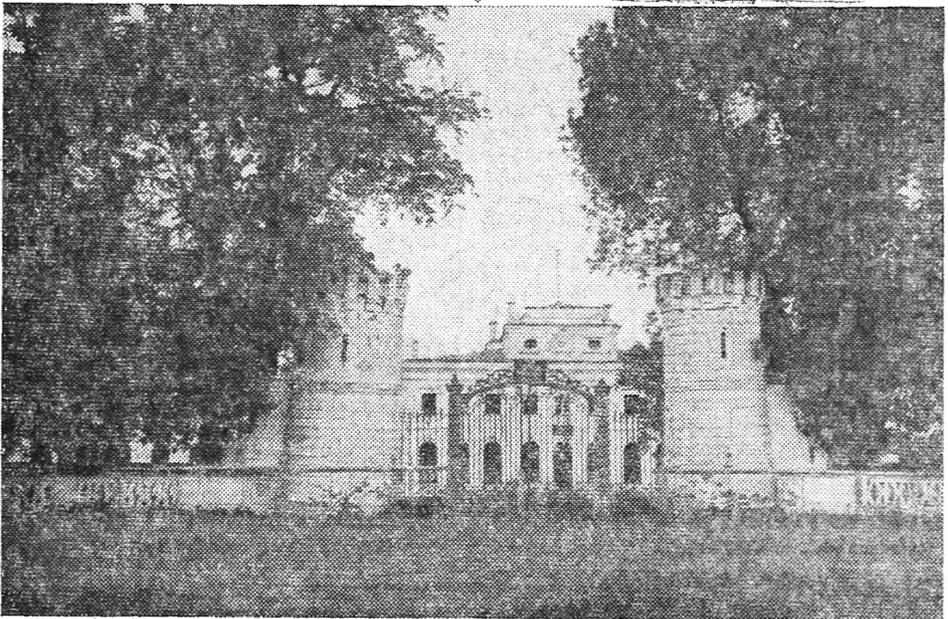
Пушкин поехал в Ярополець не только для того, чтобы навестить тещу. Несомнен-

¹ Прелестной и божественной графини (франц.).

² ... ее руки и сердца (франц.).

³ ... что он не в своей тарелке (франц.).

Ярополець. Дворец Чернышевых

но, он вел с ней переговоры о приданом, но ни словом не упомянул о результатах в письме к Наталье Николаевне. Он только намекает ей, что кроме книг, наливки и варенья он ничего пока от тещи не получил: «Таким образом набег мой на Яропонец был вовсе не напрасен». Возможно, Наталья Ивановна что-то обещала зятю, но, судя по тому, что он собирался, как мы увидим далее, заехать в Яропонец на обратном пути, ни о чем определенном договоренности не было.

Наталья Ивановна встретила зятя очень любезно. У нее были на то свои причины: она просила его помочь Дмитрию Николаевичу, и Пушкин обещал ей это. «...Ты мне ничего не пишешь, застал ли ты Александра Сергеевича в Москве.— спрашивает Наталья Ивановна в письме к сыну после отъезда Пушкина.— Твоя с ним встреча была бы необходима, он очень расположен быть тебе полезным, чтобы помочь в затруднении с делами». Из переписки Натальи Николаевны и ее сестер с Дмитрием Николаевичем мы знаем, что Пушкин принимал участие в заботах семьи Гончаровых, через своих влиятельных знакомых помогая шуруину в его делах и запутанных судебных процессах.

Проведя целый день в Яропольце, Пушкин ознакомился с его достопримечательностями, гулял по парку, посетил могилу Дорошенко. В этих прогулках его сопровождал Семен Федорович, с которым, как пишет поэт, они большие приятели. «Большие приятели» — это, конечно, ирония. Пушкин прекрасно знал, что представляет собою Семен Федорович, но, видимо, учитывая обстановку и свои переговоры с тещей, был с ним любезен. Кто же такой Семен Федорович?

Семен Федорович Душин (1792—1842) — московский мещанин, управляющий яропольским поместьем с того момента, когда Наталья Ивановна получила его по разделу с сестрами. В течение 20 лет Душин вершил всеми делами в Яропольце и имел очень большое влияние на Наталью Ивановну. В связи с этим следует особо остановиться на личности этого управляющего. Пользуясь своим положением, Душин, по видимому, наживался на управлении имением, тому есть свидетельства, в том числе и самого Пушкина. В октябре 1831 года Пушкин писал своему другу П. В. Нащокину, что хочет приехать в Москву, чтобы «спасти от банкротства тещи моей и от лап Семена Федоровича» бриллианты, которые мать подарила Наталье Николаевне перед свадьбой. Вернее подарила не бриллианты, а залоговую квитанцию на них, предоставляя Пушкину выкупить этот «подарок». Пушкин пишет о «лапах» Семена Федоровича. Еще более резко говорит о нем Дмитрий Николаевич, который прямо заявил матери, что Душин ее грабит. Об этом мы узнаем из письма Екатерины (дочери Натальи Ивановны) к брату от 11 августа 1832 года: «Что касается вопроса, который ты мне задаешь, чтобы узнать не сердится ли она немножко за то, что ты ей сказал об управляющем, конечно на это труднее ответить, хотя она часто говорит, что больше не сердится на тебя, все же она к этому часто

возвращается и не очень спокойно смотрит на то, что ты ей сказал. Я даже нахожу, что она несколько язвительна в этом вопросе, и с тех пор как ты ей показал дела с другой стороны, чем она привезла их видеть, у нее нет к тебе того же хорошего расположения, как раньше... Но ты понимаешь, что это может быть с каждым, никто не любит, когда ему говорят, что его грабят, так как это свидетельствует о слабости характера, вещь в которой не очень любят признаваться».

Однако, судя по переписке Гончаровых, вряд ли можно упрекнуть Наталью Ивановну в слабости характера вообще; здесь, вероятно, можно говорить только о ее слабости в данном случае. Но когда Екатерина Николаевна писала брату, она не знала, что мать уже ответила Дмитрию Николаевичу. Приведем выдержки из этого, до сих пор не известного, письма.

«8 августа 1832 г. Яропонец¹.

Возможно тебя удивляет, любезный Дмитрий, что я с опозданием отвечаю на твои последние письма. Не скрою, обескураженная твоими неизменными ответами на письма, в которых я тебе излагала свои стесненные обстоятельства, и в особенности тем, что ты совершенно не принимаешь во внимание мотивы, являющиеся их единственными побудительными причинами,— я решила тебе больше об этом не говорить, точно так же как и ты не склонен вмешиваться в семейные дела... Не стану говорить тебе и о том, насколько утешительно для матери не быть понятой своими детьми, тем не менее заявляю тебе, что я не запятала свою совесть ни одним поступком, и это дает удовлетворение моему сердцу, даже в подобных обстоятельствах. Не подумай однако, что я из чувства неудовольствия хочу тебя обидеть или стремлюсь каким-либо образом принудить тебя встать на мою сторону. Желая только одного — иметь заступничество божие, я думаю, что лишилась бы его, если бы не подчинилась долгу матери и не поговорила бы с тобой откровенно. Я не люблю в тебе и не уважаю твое неперестанное настойчивое стремление к собственному благосостоянию; во всех своих поступках ты прежде всего прикидываешь, не будут ли они тебе невыгодны. Я признаю, что при расчетах нужно руководствоваться осмотрительностью, но быть занятым только исключительно собою, значит быть настоящим эгоистом, черта характера не заслуживающая уважения. Я льщу себя надеждой, дорогой Дмитрий, что сделанные мною тебе замечания ты воспримешь как хороший сын, и особенно не приписывая им никаких других мотивов, кроме тех, о которых я тебе только что сказала...»

Чувствуется, что Наталья Ивановна была очень расстроена откровенными высказываниями Дмитрия Николаевича в адрес Душина. Требуя, чтобы он не вмешивался в ее семейные дела, она как бы оправдывается перед ним, говоря, что ничем не запятала свою совесть, и особенно настаивает на том, чтобы сын не приписывал ей «ника-

¹ ЦГАДА. ф. 1265, оп. 1, № 3252, лл. 208-209. Публикуется впервые.

ких других мотивов». Однако письмо это писалось всего за месяц до неожиданной смерти Афанасия Николаевича Гончарова, скончавшегося в Петербурге 8 сентября 1832 года; обстоятельство это в корне изменило «расстановку сил» в семье Гончаровых.

Из писем Пушкина к Наталье Николаевне известно, что он во второй половине сентября 1832 года поехал в Москву. У него там были свои денежные дела, но, принимая во внимание, что он выехал из Петербурга почти вслед за братьями Гончаровыми, которые повезли тело деда хоронить в Полотняный Завод, не исключено, что смерть главы семьи ускорила его отъезд. Наталья Николаевна, вероятно, хотела знать, не оставил ли дед завещания, какие решения принимаются матерью и братом, не будет ли ей выделена часть наследства или хотя бы уплачены те 11 тысяч, что Наталья Ивановна была должна Пушкину. Александр Сергеевич приехал в Москву 21 сентября, но в письмах от 22, 25, 27 и около 30 сентября, сообщая жене московские новости, описывая свое времяпрепровождение и вскользь упоминая о «хлопотах по делам», ничего не говорит о Гончаровых. И только в последнем письме (около 3 октября) замечает, что в Москву приехал Дмитрий Николаевич. Возможно, Пушкин ждал приезда шурина. «Брат Дмитрий Николаевич здесь,— сообщает он Наталье Николаевне.— Он в Калуге никакого не нашел акта, утверждающего болезненное состояние отца, и приехал хлопотать о том сюда. С Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочет входить в управление имения, и во всем полагается на Дмитрия Николаевича. Отец поговаривает о духовной; на-днях будет он освидетельствован гражданским губернатором. К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить. Вяземские едут после 14-го. А я на днях. Следственно, нечего тебе и писать».

Не так давно нами было обнаружено в гончаровском архиве неизвестное письмо Натальи Николаевны к брату по поводу этой доверенности. Интересно отметить, что написано оно по-русски. Приведем выдержку из этого письма.

«31 октября 1832 г.¹

Нынче едит к вам доверенность, она от того у нас замешкалась, что никакая палата не согласилась засвидетельствовать ту, которую вы прислали, потому что не имеет виду никаких бумаг для удостоверения, что отец не в состоянии править имением, мы даже и словесно не знали какой акт был совершен 31 Мая 1832 года и потому посылаем то, что палата согласилась засвидетельствовать. Так в етом никто более не виноват как вы, потому что на наших словах, без всяких бумаг нам не поверют. Вчера получила я от вас последнее ваше письмо, отвечать на него многого нечего, писать же к вам чтонибудь не касающиеся до дел полагаю напрасном, ибо вы должны быть ими слишком заняты, чтоб могли вникнуть во чтонибудь другое... Ко-

гда на Завод поедете, Маминьку и сестер перещелуйте. Прощайте, целую вас сердечно — будьте щастливы и попевайте в делах».

Таким образом, очевидно и в семье Пушкиных было известно о ссоре матери с сыном. Однако смерть деда примирила их, и в 1832 году осенью и в начале зимы 1833 года Наталья Ивановна живет на Заводе, по ее словам, «в качестве простой экономки», пока Дмитрий Николаевич был в Москве. После долгих хлопот над большим Николаем Афанасьевичем была учреждена опека, и Дмитрий Николаевич встал во главе гончаровской семьи. С этого момента тон писем Натальи Ивановны заметно меняется, и на протяжении многих лет мы видим, что она почти всегда поддерживает старшего сына во всех его делах. Однако в одном она осталась неизменна: в своем отношении к Душину. С течением времени братья Гончаровы, видимо, убедились в этом и изменили тактику: они стали действовать в своих интересах через Душина, а не против него.

Душин прожил в Яропольце до самой смерти. Похоронен он там же, возле церкви. Наталья Ивановна поставила ему памятник, на одной стороне которого на камне высечена эпитафия:

«Памятник воздвигла Н. И. Гончарова с детьми московскому мещанину Семену Федоровичу Душину от чувств благодарности за 20 лет неустанное и беспристрастное его управление яропольским имением и скончавшемуся 19 сентября 1842 г. на 50 году от рождения¹.

Будучи в Яропольце, мы обнаружили на второй и третьей сторонах надгробия четверостишия, сочиненные, очевидно, самой Натальей Ивановной:

В цепи жизненной смерть разрывает кольца
Мирный житель Яропольца
К порядку и добру где все расположил
Он ближнему служа живот свой положил².

Третья сторона памятника, к сожалению, очень повреждена, и нам удалось разобрать только части фраз и отдельные слова. Это обращение самого Семена Федоровича к оставшимся друзьям, тоже в стихах: он просит не забывать его и посещать могилу. Вряд ли дети Гончаровы, учитывая их отношение к Душину, имели намерение воздвигнуть ему памятник из чувств благодарности за «беспристрастное» 20-летнее управление Яропольцем. Все это сделано Натальей Ивановной. Обращает на себя внимание и то, что похоронен Душин не в Иосифо-Волоколамском монастыре (ближайшем от Яропольца кладбище, где находятся могилы и самой Натальи Ивановны и Ивана Николаевича Гончарова с женой), а возле яропольской церкви. Похоронив Душина, Наталья Ивановна поехала к сыну в Полотняный Завод. Сохранилось ее письмо от 31 октября 1842 года, написанное по возвращении в Яропольц. Приведем отрывок из него: «Я благополучно вернулась домой, дорогой Дмитрий, и хотя все вокруг мне кажется

¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3782, лл. 66-67. Публикуется впервые.

¹ Яропольц, стр. 11 (текст уточнен авторами).

² Публикуется впервые.

пустым и печальным, как и во мне самой, я все же стараюсь вникать во все, что произошло во время моего отсутствия; кажется, все шло своим чередом»¹.

Был ли Душин близким человеком Наталье Ивановне? У нас нет прямых доказательств, однако на эту мысль наводят и эпиграфия, и строки, начертанные на памятнике, а также вышеприведенные письма. Во всяком случае, по переписке Гончаровых видно, что Наталья Ивановна стремилась жить в Яропольце одна: вероятно, поэтому не захотела она выделить часть имения Наталье, а Екатерину и Александру отправила к деду в Полотняный Завод... Мы остановились несколько подробнее на личности управляющего, так как, если наше предположение верно, тогда легко объясняется то влияние, которое Душин имел на Наталью Ивановну во многих денежных и семейных делах. Но так ли уж виновна была она, фактически оставшись в 29 лет вдовой при живом муже, и не было ли ее чувство к Душину единственным на протяжении двух десятков лет?..

В письме Пушкина много говорится о сватовстве Дмитрия Николаевича к Надежде Чернышевой. После бездетного Захара Чернышева (первого) имение перешло к его брату Ивану, а от него к сыну Григорию Ивановичу, у которого было шесть дочерей и один сын, Захар Григорьевич (второй). Вот эта семья и жила в чернышевском Яропольце в описываемый нами период. Интересно отметить, что Пушкин был в родстве с Чернышевым. Об этом он упоминает в письме к жене от 11 мая 1836 г. С многими членами этой семьи он встречался и в Петербурге, и в Москве, и в Яропольце.

Захар Григорьевич Чернышев был так же выпускником муравьевской школы колонновожатых. В 1817 году его зачислили в кавалергардский полк. Здесь он был вовлечен своим двоюродным братом Федором Вадковским в декабристское движение. В момент восстания его не было в Петербурге, но вскоре он был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость. После следствия и суда Захар Чернышев был лишен чинов и дворянства и приговорен к четырем годам каторжных работ. Пребывание в крепости, суд, тяжелые условия жизни в Читинском остроге оказали на него сильное влияние, письма его к родным свидетельствуют о его подавленном настроении; мы найдем тому подтверждение и в приводимом ниже письме Натальи Ивановны. В 1828 году Чернышев был отправлен вместе с некоторыми другими декабристами на поселение в Якутск. В начале 1829 года, когда уже шла русско-турецкая война, Чернышеву, благодаря хлопотам влиятельных родственников, было разрешено принять участие в кавказской кампании рядовым. Здесь он получил тяжелое ранение в грудь навылет. После окончания войны Чернышев был переведен на крепостные работы под Тифлис. И только в 1833 году он был произведен в офицеры и ему разрешили вернуться

в родные места. Однако еще долгие годы он находился под политическим надзором.

С Захаром Чернышевым Пушкин, вероятно, встречался не один раз. Возможно, до 1820 года в Петербурге. Общеизвестно, что во время своего путешествия на Кавказ в 1829 году Пушкин виделся там со своим родственником: в воспоминаниях М. В. Юзефовича говорится, о том, что Пушкин в присутствии Чернышева читал собравшимся друзьям Шекспира на английском языке. Учитывая все эти обстоятельства, есть основание полагать, что если Захар Чернышев был в августе 1833 года в Яропольце, то Пушкин, конечно, виделся с ним. Разговор с декабристом должен был для него быть чрезвычайно интересным. Не исключено, что Пушкин рассчитывал на эту встречу, когда поехал в Ярополец, но осторожности ради умолчал о ней в своем письме к жене по вполне понятным причинам. Не потому ли Пушкин в этом письме так много внимания уделяет сватовству Дмитрия Николаевича, а, упоминая о прогулках по парку, ни слова не говорит о чернышевских «достопамятиностях», находившихся в двух шагах от яропольского дворца?

Но Чернышевы были связаны с декабристским движением не только по мужской, но и по женской линии. Сестры Чернышевы получили хорошее образование, прекрасно знали иностранные языки, много читали, увлекались Байроном. Воспитанные в высококультурной, демократически настроенной семье, они несомненно выделялись среди молодых девушек их круга. Одна из сестер — Александра — стала женой декабриста Никиты Муравьева. Академик Н. М. Дружинин в статье «Семейство Чернышевых и декабристское движение» так говорит о сестрах: «Молодые графини Чернышевы, увлеченные култом героических личностей, видели в Никите Муравьеве и своем брате Захаре смелых борцов, страдающих от самодержавного деспотизма»¹. Граф Бутурлин, известный своими реакционными взглядами, пишет, что молодые графини «нечего греха таить были тогда в экзальтированном настроении духа, они смотрели на опозоренных брата и зятя, как на жертвы самодержавного произвола, и сочувствовали, без трезвого анализа, идеям, целью которых было, как они воображали, благо отечества»². Однако граф глубоко ошибался: «настроение духа» молодых девушек не было мимолетным под влиянием трагических событий в семье. Александра Григорьевна Чернышева-Муравьева последовала за мужем в Сибирь и там скончалась. Именно ей, своей родственнице, Пушкин доверил знаменитое стихотворное послание к декабристам «Во глубине сибирских руд...», которое она повезла на каторгу. «Подобно М. Н. Волконской, — пишет известный исследователь движения декабристов академик М. В. Нечкина, — жена Никиты Муравьева отправилась в Сибирь, чтобы разделить судьбу мужа. Самоотверженная женщина, несмотря на большой риск, передала эти строки дека-

¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3615, л. 15. Публикуется впервые.

¹ Ярополец, стр. 36.

² Записки гр. М. Д. Бутурлина. «Русский архив», 1897, № 5.

бристам. Над нею нависла страшная опасность, но она презрела ее. Находясь под бдительным присмотром жандармов, она могла бы в любой момент подвернуться обыску, аресту, допросу. За передачу такого стихотворения ей самой грозила тюрьма. И Пушкин вверил ей свою судьбу». Александра Григорьевна Муравьева получила самую высокую оценку в мемуарах и письмах современников. Память об этой замечательной русской женщине сохранилась до сих пор. А. Г. Чернышева вышла замуж за Никиту Михайловича Муравьева в феврале 1823 года. Не исключено, что в 1823—1825 годах Муравьев также бывал в Яропольце, где обычно проводил летнее время семья Чернышевых.

Старшая из сестер, Софья Григорьевна, вышла замуж за И. Г. Кругликова. Ему после ссылки Захара Чернышева был передан чернышевский майорат. В описываемое нами время родителей уже не было в живых и Кругликова заменяла сестрам мать. Вера Григорьевна Чернышева была замужем за графом Пален и жила в Петербурге. А Елизавета Григорьевна вышла за А. Д. Черткова, известного историка и археолога. Пушкин был знаком с Чертковым и, приезжая в Москву, встречался с ним, возможно, и в силу родственных связей. Из переписки Натальи Николаевны и ее сестер с Дмитрием Николаевичем мы знаем, что Кругликова, Пален и Надежда Чернышева бывали в доме Пушкиных в Петербурге.

В 1833 году в семье оставались еще две дочери-невесты: Наталья и Надежда. Вот о последней и пишет в своем письме к жене Пушкин. Дмитрий Николаевич, судя по всему, был страстно влюблен в Надежду Григорьевну и настойчиво добивался ее руки. В письмах Натальи Ивановны к сыну за 1833—1835 годы мы все время встречаем упоминания о ее хлопотах по этому делу. Ей очень хотелось устроить этот брак. Надо полагать не только потому, чтобы пойти навстречу желанию Дмитрия, но и рассчитывая, что за богатой невестой дадут большое приданое и это поправит дела гончаровского дома.

Надежда Чернышева, очевидно, была очень хороша собой. В нее были влюблены и братья Николай и Андрей Муравьевы (их поместье Осташево находилось недалеко от Яропольца). С Андреем Муравьевым (1806—1874) Пушкин был хорошо знаком, они встречались в литературных кругах и в Петербурге и в Москве. В молодости Андрей Муравьев писал стихи, в 1832 году была поставлена на сцене его драма в стихах «Битва при Тивериаде», успеха не имевшая. Пушкин, желая поддержать начинающего писателя, напечатал во втором томе «Современника» отрывки из этой драмы с предисловием, а в четвертом — его очерк «Вечер в Царском Селе». Однако Муравьев надежд Пушкина не оправдал. Он стал больше известен как писатель по религиозным вопросам (почему и получил прозвище «святой») и впоследствии занимал крупные должности в Синоде. В отношениях Пушкина с Муравьевым не все было гладко. Еще в самом начале их знакомства Пушкин в известной эпиграмме назвал его «Бельведерским Мит-

рофаном» и даже не исключал возможности, что тот вызовет его на дуэль; Муравьев ограничился лишь ответной эпиграммой. По возвращении из четырехлетнего путешествия за границу Муравьев помирился с Пушкиным и позже писал в своих воспоминаниях, что до самой кончины великого поэта он оставался с ним в самых дружеских отношениях.

Андрей Муравьев был очень увлечен Чернышевой. В рукописном отделе библиотеки имени В. И. Ленина хранится небезыгодная его рукопись под названием «Ярополец», эпиграфом к которой он взял: «Я пленен, я очарован, словом, я огончарован». Это — поэтическое, сентиментальное, в стиле той эпохи описание чернышевского парка в Яропольце, встречи там вечером, при закате солнца, с Иваном Гончаровым и их длительной беседы. С Иваном Николаевичем Муравьева связывали тесные дружеские отношения, они постоянно встречались и в Петербурге, и в Яропольце, и в Осташеве. Но описанию Яропольца (1835 г.) предшествует стихотворение, посвященное Н. Г. Чернышевой и датированное автором 25 сентября 1832 года. Поэт вспоминает чернокудрую красавицу, скакавшую на белом коне по аллеям парка. Вот несколько строк оттуда:

Я замок твой видел, он пуст и уныл
Без рыцарской девы, и тщетно
Склонившийся день его окна златил
Сквозь просеку рощи заветной.
И я позабывшись на замок взирал:
Не выйдешь ли в черной одежде
И локонах черных и с черным пером,
Царица осанкою, ангел лицом!

Не ясно отношение Надежды Григорьевны к Андрею Муравьеву. Николай Муравьев в своих воспоминаниях говорит, что якобы ей нравился его брат Андрей. Наталья Николаевна пишет брату Дмитрию 1 сентября 1833 года: «Я думаю, ты прав в своих предположениях: мне кажется, это Муравьев (святой) вредит тебе в этом деле; я знаю, что в прошлом году он провел все лето в Яропольце, живя в постоянном общении со всей семьей, что ж ты хочешь, чтобы он при его красоте не произвел впечатления на молодую девушку». Однако, по-видимому, ни красота Муравьева, ни его «святость» (можно предположить, что именно это не нравилось Надежде Григорьевне, воспитанной в семье с передовыми взглядами и вряд ли глубоко религиозной) не побудили ее остановить свой выбор на нем. Да и сам Андрей Николаевич вел себя, очевидно, нерешительно. В своих «Записках» брат его Николай, также влюбленный в Надежду Чернышеву, говорит, что сначала Андрей уговаривал его отказаться от мысли о женитьбе, так как он сам питает к ней нежные чувства, потом, наоборот, уговаривал жениться на Надежде, потому что он собирается постричься в монахи. Как мы видим из письма Пушкина, об этом своем намерении Андрей Муравьев сказал и Дмитрию Николаевичу. Так или иначе, но брак этот не состоялся, а в 1838 году Надежда Чернышева вышла замуж за князя Г. А. Долгорукова.

¹ Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 188, № 5152. Публикуется впервые.

Пушкин пишет о сватовстве шурина в очень иронических тонах. Очевидно, в семье Пушкиных не смотрели на возможность этого брака серьезно. Дмитрий Николаевич не являлся, по понятиям того времени, подходящей партией для богатой и знатной Чернышевой: гончаровские именные были заложены и перезаложены, на предприятиях лежали колоссальные долги, многочисленная семья едва сводила концы с концами. Не блистал он, как его сестры, и красотой, был глуховат и заикался. Однако упрямый характер заставлял его настойчиво добиваться руки прекрасной графини и только в 1835 году, получив вторично решительный отказ, он отступил. Через год Дмитрий Николаевич женился на княжне Назаровой и, судя по письмам родных, был очень счастлив в браке.

...Пушкин уехал из Ярополяца, очевидно, не закончив переговоров с тещей, так как думал заехать к ней на обратном пути из Болдина. Но Наталья Ивановна предупредила его намерение и послала зятю следующее письмо.

«4 ноября 1833 г. Ярополец.

Дорогой Александр Сергеевич, при вашем проезде через Ярополец, мне помнится, вы сказали, что надеетесь на возвратном пути застать меня здесь; но Дмитрий, как хороший сын, настойчиво просит меня вернуться в Завод; не зная в точности времени вашего возвращения и опасаясь плохих дорог, я сегодня покидаю Ярополец. На случай, если вы намеревались заехать сюда лишь с целью застать меня, я считаю необходимым предупредить вас о своем отъезде. Но если вы предпочитаете следовать этой дорогой, то в этом случае я буду очень рада, если Ярополец послужит для вас удобной станцией. Письма ко мне Натали свидетельствуют о нетерпении, с каким она ждет вас; кажется она готова даже рассердиться на ваше отсутствие; она сообщает мне успокоительные вести о детях. Желая вам скорого и благополучного возвращения к семье и присоединяя к этому самые искренние пожелания вам счастья, я никогда не перестану быть вашим другом.

Н. Г.

«P. S. Ваши книги, так же как и другие вещи, будут к вам высланы по первому санному пути при первой же оказии»¹.

Наталья Ивановна всячески оправдывается, что уехала, не дождавшись зятя: и хороший сын требует ее возвращения, и жена с нетерпением ждет Пушкина, лучше всего ему вернуться в лоно семьи и не тратить времени на поездку в Ярополец! Видимо, поразмыслив после отъезда Пушкина, и, вероятно, не без влияния Семена Федоровича она решила уклониться от визита зятя и, возможно, принятия каких-либо обязательств. Письмо это Наталья Ивановна, по видимому, послала в Москву. Пушкин 6 ноября писал жене из Болдина, что он скоро выезжает домой, но на некоторое время ос-

тановится в Москве по делам. Он пробыл там около недели. Получив письмо тещи, Пушкин, естественно, к ней не заезжал.

Второй приезд Пушкина в Ярополец

До недавнего времени не было известно, что Пушкин еще раз посетил Ярополец, в 1834 году. Обнаруженные нами письма Гончаровых позволили установить этот интересный факт в биографии поэта, а, сопоставив имеющиеся материалы, и высказать предположение о цели этой поездки.

Весною 1834 года, впервые после замужества, Наталья Николаевна с детьми поехала повидаться с родными. Пушкин остался на все лето в городе один: ему предстояла большая работа по подготовке к изданию «Истории Пугачева». В Москве Наталью Николаевну встретили Дмитрий Николаевич и сестры. Наталья Николаевна надеялась, что мать тоже приедет в Москву, но Наталья Ивановна была в ссоре со старшими дочерьми и не пожелала с ними встречаться. Пришлось ехать в Ярополец. В первых числах мая Наталья Николаевна выехала с детьми к матери. Прошло три года с тех пор, как она и муж уехали в Петербург. В первое время после замужества дочери Наталья Ивановна враждебно относилась к зятю. Однако, видя что дочь счастлива в браке, постепенно изменила свое отношение к Пушкину. Не могла она не оценить благородство его натуры, его необыкновенную доброту и сердечность. И Пушкин, отзывчивый на все доброе, не замедлил откликнуться. «Наталья Ивановне я уже писал, поцалуй за меня у ней ручки и скажи много нежного». «Кланяюсь сердечно Нат. Ив.», — пишет поэт жене в Ярополец 30 апреля и 12 мая 1834 года. Мы полагаем, что немаловажную роль в этих новых отношениях сыграли внуки. И, конечно, Наталья Ивановне безусловно импонировали и слава великого поэта и близость его и дочери ко двору. Княгиня Е. А. Долгорукова, подруга юности Натальи Николаевны, рассказывала, что впоследствии Наталья Ивановна «полюбила Пушкина, слушалась его». Трудно себе представить, чтобы Наталья Ивановна «слушалась» Пушкина; во всяком случае, как мы видим, ее благожелательность не распространялась на материальные вопросы.

По свидетельству современников, характер у Натальи Ивановны был тяжелый. Непривлекательны такие ее черты, как эгоизм, скупость и граничащая с ханжеством религиозность. И все же справедливости ради следует отметить ее любовь к внукам. Когда Дмитрию Николаевичу случалось бывать в Петербурге, Наталья Ивановна неизменно интересовалась детьми Пушкиных. Она посылает им из Ярополяца варенье, шерстяные чулочки, полотно на белье. В публикуемом ниже ее письме по поводу женитьбы Ивана Николаевича мы встречаем очень теплые строки о детях Пушкина.

Опасаясь «семейственных сцен», Пуш-

¹ Перевод уточнен И. М. Ободовской.

кин поспешил до приезда жены в Ярополец написать теще. Письмо это, к сожалению, до нас не дошло, но, несомненно, он писал о том, что Наталья Николаевна еще очень слаба после недавно перенесенной болезни, и просил побережь ее. Однако опасения его были напрасны. Приезд дочери с детьми очень обрадовал мать. Она впервые увидела внуков: Маше было два года, Саше около года. Наталья Ивановна послала Пушкину очень теплое ответное письмо. «Дети ваши прелестны,— читаем мы в нем,— и начинают привыкать ко мне, хотя вначале Маша прикрикивала на бабушку. Вы пишете, что рассчитываете осенью ко мне приехать; мне будет чрезвычайно приятно соединить всех вас в домашнем кругу».

Наталья Николаевна пробыла у матери, по-видимому, около двух недель. Нет сомнения, она была рада снова увидеть места, где жила в детстве и юности. Пушкин послал жене в Ярополец четыре письма. Они полны нежной заботы и беспокойства о ней и детях. «Без тебя так мне скучно,— пишет Пушкин 18 мая,— что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уже месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых!»

Наталья Николаевна сделала небольшую приписку к письму матери, где сообщает, что они почти все время проводят на воздухе. Очевидно, она, мать и дети много гуляли в парке, сидели на балконе, откуда открывался красивый вид на Ламу. Упоминание в письме Пушкина о «гуляниях верхом» дает основание предположить, что в Ярополце Наталья Николаевна вместе с Надеждой Григорьевной, которая увлеклась верховой ездой и была всегда окружена молодежью окрестных поместий, совершали прогулки в ярополецких парках и рощах. В 1833 году, как мы говорили выше, Захар Григорьевич Чернышев получил отпуск для свидания с родными. Возможно, он приехал в Ярополец в мае 1834 г. и познакомился с Натальей Николаевной.

Наталья Ивановна с сожалением пишет Дмитрию Николаевичу, что пребывание дочери было кратким. Во второй половине мая Наталья Николаевна выехала в Москву и оттуда — в Полотняный Завод. Судя по выше приведенному письму Натальи Ивановны, предполагалось, что Пушкины на обратном пути заедут осенью всем семейством в Ярополец, но Пушкин задержался в Болдине, и Наталья Николаевна была у матери одна, с маленькой Машей. В конторских книгах московского дома Гончаровых от 14 сентября 1834 года значатся расходы на продукты Наталье Николаевне в дорогу; она, по-видимому, выехала числа 12-13 сентября, но пробыла у матери недолго, дня 2-3, так как в Москве ее ждали сестры, уезжавшие с ней в Петербург. Обратим внимание, что они не приехали проститься с матерью; это еще раз свидетельствует об их нелегких взаимоотношениях. Мы полагаем, что Наталья Николаевна во время своих

приездов в Ярополец пыталась примирить мать с сестрами, но ей это не удалось.

В конце сентября Пушкин писал из Болдина жене, что предполагает заехать к теще на сутки. Но осуществилось ли это намерение, до сих пор не было известно. Опубликованные нами письма Екатерины Николаевны и Натальи Ивановны впервые установили, что Пушкин на обратном пути из Болдина в Ярополец заезжал.

В письме от 7 октября Наталья Ивановна пишет Дмитрию Николаевичу: «..Прощай, я надеюсь, что скоро тебя увижу. Я также жду Пушкина; может быть, он уже уехал в Петербург, не знаю». Учитывая, что Пушкин вернулся в Петербург 14 октября утром, а на дорогу из Ярополца он должен был затратить дня три, по-видимому, он был там 9—10 октября.

Пушкин спешил домой и тем не менее решил заехать к теще. Этот его визит, мы полагаем, был связан с переездом сестер Гончаровых в Петербург. Учитывая отношение тещи к дочерям, Пушкин решил поговорить с Натальей Ивановной. Отголоски этих разговоров мы найдем в письме Екатерины Николаевны от 16 октября 1834 года: «Пушкин приехал позавчера в 10 часов утра, он нам сообщил все новости о вас. Он был у матери, она ему наговорила бог знает что о нас и вдобавок утверждает, что это мы подговорили Ташу, чтобы она не возила к ней своего сына, когда Таша последний раз заезжала к матери. Мы так и знали, что это будет еще одна вина, которую она нам припишет». Пушкин неохотно согласился на переезд сестер, считая, что это осложнит его семейную жизнь, но, раз дав согласие, он, надо полагать, как глава семьи, взял на себя определенные обязательства перед тещей. А Наталья Ивановна, возможно, в душе была рада, что снимает с себя ответственность за их дальнейшую судьбу.

Вероятно, Пушкин обсуждал с Натальей Ивановной еще один вопрос. В каун приезда в Ярополец, 8 октября 1834 года, Пушкин выдал в Москве Сергею Гавриловичу Квасникову доверенность на покупку для него имения Гончаровых в Медынском уезде Калужской губернии, состоявшее из двух деревень (Никулино-Образцово и Сицевицыно)¹. В конторских книгах московского дома Гончаровых («Приход-расход денег за 1834 г.») нами обнаружены следующие записи: «Октябрь 7-го — Гербовой бумаги куплено лист для Александра Сергеевича Пушкина на доверенность — 3 р. 75 к.» «Заплачено за расписания в гражданской Палате доверенности — 5 р. 70 коп.»². Имени это продавалось с торгов за неплатеж долга Калужскому приказу общественного призрения. Пушкин в это время печатал «Историю Пугачева» и рассчитывал получить от издания крупную сумму. Можно предположить, что он соглашался внести определенную часть стоимости этих дере-

¹ По «Списку населенных мест Калужской губернии 1863 года» Никулино названо селцом, значит, там был господский дом (Калужский гособластьник). Может быть, и при Пушкине? С. Г. Квасников одно время был управляющим у Гончаровых.

² ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 4765. Публикуется впервые.

вень, а остальная сумма шла в покрытие долга Гончаровых Пушкину (пресловутых 11 тысяч) и в приданое Наталье Николаевне. 17 октября, вдогонку Пушкину в Петербург, Дмитрий Николаевич послал письмо, до нас не дошедшее, но «зарегистрированное» все в тех же расходных книгах по московскому дому. Мы не знаем — почему, но покупка эта не состоялась. Возможно потому, что Пушкин получил за «Пугачева» значительно меньше того, на что он рассчитывал. Интересно отметить, что эти деревни существуют до сих пор. Не посещал ли их Пушкин во время своего пребывания летом 1834 года в Полотняном Заводе, если тогда уже он вел переговоры по этому поводу с Дмитрием Николаевичем? Вполне вероятно, ведь упомянутые селения находились в том же Медынском уезде.

Наталья Ивановна сообщает Дмитрию Николаевичу в письме от 23 октября, что Пушкин пробыл в Яропольце один день. Возможно, он приехал утром и поздно вечером выехал в Петербург, а может быть, переночевал в Яропольце и выехал только на следующее утро. Слова «один день» не исключают такого предположения. А у Натальи Ивановны были свои, особые причины желать приезда Пушкина в Яропольце. Об этом мы узнаем из того же ее письма от 23 октября. В 1833 году она показывала зятю письмо старшего сына к Надежде Чернышевой (очевидно, возвращенное Дмитрию Николаевичу через Наталью Ивановну), и Пушкин писал жене, что брат получил отказ. Однако Дмитрий Николаевич не отступил и требовал от матери, чтобы она старалась склонить «молодую особу» на брак с ним. В письмах Натальи Ивановны за этот период мы все время встречаем ее сообщения о переговорах с Чернышевскими и Кругликовой по этому поводу. За истекший год в семье Чернышевых произошли большие события. Совсем незадолго до приезда Пушкина, в августе 1834 года, в чернышевском Яропольце были отпразднованы две свадьбы: Захара Григорьевича Чернышева и сестры его Натальи Григорьевны. К этим торжественным событиям в Яропольце съехалась вся семья. Так, из писем Натальи Ивановны мы узнаем, что из Петербурга приезжали супруги Пален. Надо полагать, были на свадьбах и Чертковы.

Как мы говорили выше, Захар Чернышев вернулся в родные места в 1833 году. Он потерял право на владение Яропольцем, переданным мужу старшей сестры Кругликову, но семья выделила ему поместье Тагино в Орловской губернии. Женился он на племяннице Кругликова Е. А. Тепловой, с которой, вероятно, познакомился в Орле или каком-либо из орловских поместий. Интересно отметить, что Тепловы и Кругликовы были в родстве с И. С. Тургеневым. Свадьба Чернышева и Тепловой состоялась в 20-х числах августа 1834 года. Наталья Ивановна бывала у Чернышевых летом этого года, встречалась с Захаром Григорьевичем, познакомилась с его невестой и, вероятно, была на свадьбе. Мы уже упоминали о том, что письма З. Г. Чернышева к родным свидетельствуют о его тяжелом душевном сос-

тоянии. Это подтверждается и письмом Натальи Ивановны к сыну 29 июля 1834 года. «...Недавно состоялась помолвка Захара Григорьевича Чернышева с мадемуазель Тепловой, племянницей графа Кругликова, очень молодой особой довольно приятной внешности, вот все, что я могу сказать о ней, так как я всего три раза видела ее. Особливо дай бог, чтобы он был счастлив; его настроение духа, по-видимому, очень пострадало и нуждается в спокойной обеспеченной жизни, чтобы оправиться от угнетенного состояния, в котором, как видно, он находится»¹. В своих «Записках» Н. Н. Муравьев упоминает, что в конце августа З. Г. Чернышев с молодой женой уехал к месту службы в Моздок. Таким образом, в 1834 году Пушкин с ним в Яропольце не встречался.

Через несколько дней после свадьбы Захара Чернышева в Яропольце состоялась вторая свадьба. Наталья Григорьевна Чернышева вышла замуж за Николая Николаевича Муравьева, одного из сыновей Н. Н. Муравьева-старшего, владельца Осташева, о котором мы говорили выше. Историю своего сватовства Муравьев подробно и интересно описывает в своих «Записках». Получив заверение брата Андрея, что он не собирается жениться на Надежде Чернышевой, Николай Муравьев сделал ей предложение, но получил отказ. Он был уже немолод, вдов, имел от первой жены дочь. Все эти переговоры шли через старшую сестру Софью Григорьевну Кругликову, и она обратила внимание Муравьева на другую свою сестру, Наталью. Это была серьезная, умная девушка и по возрасту более подходящая Муравьеву. Как и все в семействе Чернышевых, она сочувственно относилась к взглядам декабристов, а когда брата Захара и зятя Никиту Муравьева приговорили к каторге, Наталья Григорьевна тоже хотела ехать в Сибирь, но Бенкендорф ответил на ее прошение категорическим отказом. Вместе с Александрой Григорьевной она все же тайно ездил в Ярославль проститься с уезжавшими в ссылку братом и зятем.

Генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский — один из замечательных русских исторических деятелей, друг декабристов. Пушкин был знаком с ним и неоднократно встречался. В предисловии к очень интересной книге Н. Задонского «Жизнь Муравьева» академик М. В. Нечкина пишет: «Как и декабристы, Н. Н. Муравьев входит в число тех, кто мог сказать о себе: «Мы были дети 1812 года». Вольнолюбец и вольнодумец, основатель преддекабристской «Священной артели», он стоит у самых истоков декабристского движения. Близкий друг людей 14 декабря, не оказавший непосредственно в их рядах лишь по особому стечению жизненных обстоятельств, Н. Н. Муравьев сохраняет на всю жизнь верность мировоззрению, независимость и последовательность своих позиций в самых сложных обстоятельствах. Удивительна цельность, монолитность его натуры. Он внес большой вклад в военную и дипломатиче-

¹ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 382 об. и 383. Публикуется впервые.

скую историю России., а особенно как победитель Карса, обмен которого на Севастополь сыграл такую большую роль для завершения тяжелой для России войны и для Парижского мирного договора 1856 года. Николай I относился к Муравьеву крайне неприязненно и подозрительно, неоднократно подвергал его опале, но всякий раз, когда возникала какая-либо трудная военная ситуация, вынужден был вновь призывать талантливого полководца.

Союз Н. Н. Муравьева и Н. Г. Чернышевой оказался счастливым. Об общности их взглядов свидетельствует, например, и запись в дневнике Муравьева: «Жена моя по вольнодумному образу мыслей своих всегда готова проговориться и отпустить колкое рассуждение, для дочерей же я всячески буду стараться удаления от двора, где обычаи и обхождения вообще пошлы и грубы».

Но вернемся к приезду Пушкина в Ярополец. В письме от 23 октября 1834 года Наталья Ивановна пишет Дмитрию Николаевичу: «При проезде Пушкина через Ярополец мы с ним вместе были у Чернышевых, все с тем же добрым намерением продвинуть твоё дело, но не решились ничего сказать по этому поводу». В семье Чернышевых, как мы говорили, только что состоялись две свадьбы. Таким образом, в доме осталась только одна невеста — Надежда Григорьевна. Она отказала Николаю Муравьеву, уклончиво ответила на возможность брака с Андреем Муравьевым. Наталья Ивановна, по-видимому, нашла, что обстановка сложилась благоприятно и решила сделать еще одну попытку с помощью Пушкина. Она надеялась, что ее близкое родство с прославленным поэтом может повлиять на Кругликову и та уговорит сестру согласиться на этот брак. С этой целью Наталья Ивановна повезла зятя к соседям. Но, учитывая отношение Пушкина к сватовству шурина, надо полагать, он уклонился от разговора на эту тему, а Наталья Ивановна, чтобы не огорчать сына, представила дело так, будто бы обстановка была не подходящей и они «не решились ничего сказать по этому поводу»...

Второй приезд Пушкина в Ярополец оказался последним. Не бывали там больше до 1837 года и Наталья Николаевна и Александр Николаевна. Трагические январские события в семье Пушкиных потрясли Гончаровых. Братья Дмитрий и Сергей немедленно выехали в Петербург, как только узнали о состоявшейся дуэли. Таким образом, оба Гончарова были с Натальей Николаевной в тяжелые дни после смерти Пушкина. В середине февраля братья увезли Наталью Николаевну с детьми и Александру Николаевну в Полотняный Завод, где их ждал Иван Николаевич, находившийся в отпуске по болезни. Наталья Николаевна проехала через Москву не останавливаясь и не заехала к матери — ее моральное и физическое состояние было очень тяжелым. Иван Николаевич отправился за матерью в Ярополец и привез ее в Полотняный Завод. Сколько времени пробыла там Наталья Ивановна, мы точно не знаем, но, видимо, не меньше двух месяцев.

Наталья Николаевна прожила в Полотняном Заводе около двух лет. За это время она дважды вместе с детьми и Александрой Николаевной приезжала к матери. Первый раз в августе 1837 года. Пробыла она тогда в Ярополце более месяца. Судя по переписке Гончаровых Наталья Николаевна вернулась в Завод в первых числах октября и, видимо, до апреля следующего года никуда не выезжала. Весною 1838 года в семье Гончаровых произошло большое событие: женился Иван Николаевич. Его невестой стала княжна Мария Мещерская. Имени Мещерских Лотошино находилось неподалеку от Ярополца, и семья Гончаровых и Мещерских постоянно бывали друг у друга, в особенности молодежь. Иван Николаевич извещал братьев и сестер о своей помолвке 26 февраля 1838 года; одновременно с ним написала детям и Наталья Ивановна. Приведем это письмо.

«28 февраля 1838 г. Ярополец¹

И я также обращаюсь в своем письме ко всем вам, мои дорогие друзья, и присоединяюсь к Ване, чтобы сообщить вам счастливую новость о его женитьбе на княжне Мари Мещерской. Видя, как он счастлив своей судьбой, я также очень довольна и благодарю бога за то, что он даровал ему это счастье. Но меня особенно радует, что все семейство Мещерских оказывает Ване настоящее родственное внимание, все относятся к нему как нельзя более приветливо и благосклонно, что очень трогает Ваню. Я надеюсь, мои дорогие друзья, что мы отпразднуем свадьбу в узком семейном кругу с той и другой стороны.

Дорогая Таша, скажи моей милой Маше, что ее Уван женится, но все ее очень любит, равно и Баба ее об ней всякий день думает. Целую всех детей и поздравляю вас с будущей невесткой. Я надеюсь и желаю от глубины души, чтобы между всеми вами было полное согласие и взаимная дружба. При таком случае всех по имени вас целую, начиная с Дмитрия и семьи его, Сашу, большую Ташу, всех ея детей и Нину. Дай бог всем вам милости божией и счастья.

Всем вам верный друг на жизнь».

Обратим внимание на теплое отношение и Натальи Ивановны и Ивана Николаевича к детям Пушкина и Наталье Николаевне. Осиротевшая семья нашла любовь, заботу и внимание среди родных. Посылая Наталью Николаевну подарок ко дню ее рождения, Иван Николаевич писал старшему брату: «Береги сестру, дорогой добрый Дмитрий, бог тебя вознаградит». Упоминаемая в письме Н. И. Гончаровой Саша — это Александра Николаевна. Видимо, еще при первом свидании в Полотняном Заводе весною 1837 года мать помирилась с нею. Инна — молодая гувернантка; к ней очень хорошо относились все Гончаровы. Свадьба, на ко-

¹ ЦГАДА, 1265, оп. 1, № 3139, лл. 11-12, публикуется впервые.

торую съехались вся семья, состоялась 27 апреля, венчание происходило в яропольской церкви. Наталья Николаевна с сестрой прожили у матери до конца мая: в последний раз в своих письмах к сыну Наталье Ивановна упоминает об их пребывании у нее 24 мая 1838 года.

Осенью того же года приехала в Полотняный Завод тетушка Екатерина Ивановна Загряжская и уговорила Наталью Николаевну вернуться в Петербург. Конечно, Наталье Николаевне было очень тяжело принять такое решение, как писала об этом в одном из писем Нина Доля. Но целый ряд обстоятельств вынудил ее к этому. Главным среди них была необходимость подумать об образовании детей: в Петербурге была возможность устроить мальчиков в учебное заведение на казенный счет. Несомненно, повлияла на ее решение и Александра Николаевна, которую тетушка Загряжская обещала устроить фрейлиной во дворец. И, как всегда, ставя интересы своих близких выше своих чувств и переживаний, Наталья Николаевна дала согласие. Перед отъездом сестры приехали в Яропolec повидаться с матерью. Несмотря на то что Наталья Ивановна была против их возвращения в столицу, она очень тепло простилась с ними. «Дорогой Дмитрий,— писала Александра Николаевна брату,— ты просил меня сообщить о приеме, оказанном нам в Яропolec. Должна тебе сказать, что мы расстались с матерью превосходно. Она была трогательна с нами, добра, ласкова, всячески заботилась о нас. Мы пробыли у нее сутки».

Неизвестно, бывала ли Александра Николаевна в Яропolec в последующие годы, по-видимому, нет, но Наталья Николаевна приезжала туда, и, очевидно, не один раз, но уже после смерти матери. Наталья Ивановна умерла скоропостижно 2 августа 1848 года в Иосифо-Волоколамском монастыре, во время традиционной ее поездки на богомолье; там она и похоронена. По семейному разделу Яропolec достался Ивану Николаевичу. Впоследствии, в старости, он поселился там навсегда. Есть сведения о приезде Натальи Николаевны к брату Ивану в конце 50-х годов. В архиве Гончаровых имеется запись от 12 июля 1858 г.: «Следует выдать прогонов яропольскому ямщику Смолину: проезд Вашего Высочородия¹ с господами Ланскими из Ярополча до Тархова с 3-мя Господами на 3 лошади — 2 р. 57½ коп. из Тархова до Клина 6 лошадей — 5 р. 14¾/7...»². В. А. Гиляровский, побывавший в Яропolec в 1903 году и встречавшийся там с местными стариками, разговаривал в их числе и со Смолиным. Он пишет: «Старожил Смолин — ему уже девятый десяток... С малых лет он был ямщиком, держал почтовую станцию и часто возил Нат. Ник. Пушкину из Ярополца в Клин»³.

¹ И. Н. Гончаров.

² ЦГАДА, ф. 1255, оп. 3, № 154, л. 7. Публикуется впервые.

³ В. Гиляровский. Яропolec, журн. «Столица и усадьба», № 5, март 1914 г.

Очевидно, Наталья Николаевна неоднократно навещала брата, приезжая вместе с мужем или детьми по железной дороге в Клин, а там — лошадьми до Ярополца.

...Мы приехали в Волоколамск уже к вечеру. Автобус, идущий в Лотошино, довез нас до Ярополца. Еще издали в конце улицы мы увидели массивные темно-красные с белым въездные башни усадьбы. Они очень красивы. Входим в первый двор. Направо довольно большой двухэтажный дом управляющего, налево — церковь, сейчас она реставрируется. Еще несколько шагов, и мы попадем на парадный двор. Дворец очаровывает нас с первого взгляда. Он тоже темно-красный с белым, как и все здания гончаровской усадьбы. Поднимаемся по тем самым ступеням, по которым ходили Александр Сергеевич и Наталья Николаевна... В Яропolec теперь дом отдыха. Устраиваемся в комнате направо, на первом этаже. После ужина, уже в сумерках, идем в парк, в «пушкинскую» аллею, она совсем недалеко от дома. К сожалению, огромные старые липы не все сохранились, но легко можно себе представить, какой она была в те времена. С неперываемым чувством шли мы по этой аллее, по той земле, где ступала нога Пушкина...

Утром мы прежде всего попросили открыть комнату Пушкина. Она сейчас восстанавливается, уже почти закончена роспись потолка и стен. Сохранились фотографии, запечатлевшие интерьер этой комнаты, возможно, все так было и при Пушкине. Предполагается обставить комнату так же, как это видно на фотографии, и после этого в ней откроется музей Пушкина. Надо надеяться, что на главном здании дворца появится мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь дважды был великий русский поэт и писатель А. С. Пушкин.

Мы пробыли в Яропolec неделю. Были в Иосифо-Волоколамском монастыре. Ездили в Волоколамск, где познакомились с местным краеведом Иваном Михайловичем Онуфриевым, большим энтузиастом своего дела. В доме культуры Волоколамска им организован музей истории родного края, в котором можно познакомиться с историей Ярополца и пребыванием здесь Пушкина; одна из экспозиций посвящена декабристам. Но волоколамский музей не единственный в районе: в бывших усадьбах декабристов есть небольшие его филиалы, в которых на общественных началах работают экскурсоводы. Есть такой филиал народного краеведческого музея и при яропольской библиотеке, в недавно построенном большом доме культуры. Заведующая библиотекой Ангелина Павловна Кожемьяко очень радушно встретила нас, познакомила со своей работой, показала маленький музей, в котором мы увидели и стенд, посвященный яропольским усадьбам и приездам сюда Пушкина.

...Мы уезжали из Ярополца с уверенностью, что еще не раз сюда вернемся.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Москва

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М. Н. АЛЕКСЕЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

В. С. АНДРЕЕВ (заместитель главного редактора),
Ю. Н. ВЕРЧЕНКО,
М. М. ГОДЕНКО,
М. Н. ГОРБУНОВ (заместитель главного редактора),
Б. С. ЕВГЕНЬЕВ,
С. А. КРУТИЛИН,
Л. М. ЛЕОНОВ,
Е. А. МАРКОВ,
А. А. ПАРПАРА,
Г. Г. РЕГИСТАН,
Г. М. СЕМАР (ответственный секретарь),
Г. А. СЕМЕНИХИН,
С. В. СМЕРНОВ,
В. А. СОФРОНОВА,
П. Ф. СУДАКОВ,
В. А. СУРГАНОВ,
В. Д. ШАПОШНИКОВА,
М. А. ШОЛОХОВ

3

1977

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 121918, ГСП, МОСКВА, Г-2,
АРБАТ, 20. ТЕЛЕФОНЫ: 291-71-10, 291-72-30

